

УДК 93/99

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917–1920 ГГ.:
СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ**

В.А. Матвеев

**THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1917–1920):
NORTH CAUCASIAN DEFLECTION**

V.A. Matveev

Аннотация. В представляемом в статье результате исследования отображается проявление северокавказской региональной специфики в условиях революционного кризиса в России. Преодоление его наиболее острых состояний продолжилось в гражданской войне. При ее датировке, по мнению автора, должно учитываться наличие системного показателя. Важнейшей же его составляющей служило организованное фронтовое противостояние, существовавшее в период 1917–1920 гг. Разновидностью гражданской войны на Северном Кавказе являлась межэтническая вандея. Однако вследствие российской интегрированности населения края она претерпела распад. Не произошло и националистической ее трансформации. Часть соотечественников мусульман так же, как и русское население края, приняли сторону большевиков и вступали в Красную армию. Были среди них и те, кто участие в гражданской войне принимал в составе белого движения, отстаивавшего идею «единой и неделимой России». Происходившая дифференциация так или иначе подтверждала наличие общности, способной к солидарному взаимодействию и при возникших исторических обстоятельствах неопределенности.

Abstract. Research results presented in the article display the manifestation of the North Caucasian regional specificity in the context of Russia's revolutionary crisis. Major concerns associated with this crisis were overcome during the civil war. The author believes that its dating should take into account a systemic indicator. The organized frontline confrontation that occurred from 1917 to 1920 was its most important component. A variation of the civil war in the North Caucasus was the interethnic vendee. However, it decayed following the integration of the Russian population into the region. No nationalist transformation took place either. Some of both Muslim and Russian compatriots took the side of the Bolsheviks and joined the Red Army. Others saw the civil war as part of the white movement, which upheld the idea of a "united and indivisible Russia". The differentiation either way confirmed the existence of a community capable of joint interaction even under the historical circumstances of uncertainty.

Ключевые слова: гражданская война, иностранная интервенция, межэтническая вандея, общегражданская солидарность, российская интегрированность, системный показатель, фронтовое противостояние.

Keywords: civil war, foreign intervention, interethnic vendee, civilian solidarity, Russian integration, systemic indicator, frontline confrontation.

После подписания 3 марта 1918 г. Брестского договора негативные последствия сделанных уступок стали сказываться в различных частях российского Кавказа. Условия его открывали вместе с тем перед Турцией возможности

с использованием исламского фактора утвердить здесь геополитические позиции. Нарушая дававшиеся при заключении обещания, Германия оказывала ей разностороннюю поддержку. На последующих этапах она также приняла совместно с Турцией участие в военной интервенции. Для отторжения Кавказа от России задействовались и дипломатические усилия. Сепаратистским группировкам содействие оказывалось и в других формах.

По условиям Брестского договора Турции уступались только Ардаган и Карс [1, с. 300]. Но в соответствии с панисламистскими замыслами руководства этой страны из состава российского Кавказа предполагалось исключить все регионы с мусульманским населением. Намерения турецкой стороны и в этом случае, несмотря на заключенный Брестский договор, поддерживала Германия. Между тем в соответствии с ним в марте 1918 г. Кавказский фронт, продолжавший прикрывать и в существенно ослабленном формате вследствие революционного кризиса в России государственные границы, был расформирован [2, с. 366]. Вскоре после этого и возникла угроза оккупации германскими и турецкими войсками южных частей края. Такая же угроза нависала и над Северным Кавказом. Расчет при организации интервенции делался прежде всего на вовлечение в военные действия против России мусульманского населения.

Закавказским комиссариатом предпринимались попытки противодействия. До мая 1918 г. производилась перегруппировка оставшихся в крае войсковых соединений. Из остатков Кавказского фронта созданы были Армянский, Грузинский, Мусульманский и Русский корпуса [3, с. 22]. Формирование их производилось по национальному и религиозному признакам. Однако сдержать вторжение в пределы края созданные подразделения не смогли. Возникла необходимость организации обороны в северных административных субъектах края. Выступая на III съезде «народов Терека» военный комиссар Я.П. Бутырин, опираясь на оперативные донесения, заверил присутствующих, что при существующей угрозе интервенции и для Северного Кавказа горцы «могут быть использованы против немцев». Ссылаясь на распространявшиеся у них в связи с этим массовые настроения, он призвал отказаться от политики недоверия [1, с. 298].

Военный комиссар попросил в этом отношении поддержки всех делегатов съезда. Доверие, по его разъяснению, «может вывести горские массы из-под влияния сторонников турецкой ориентации» [1, с. 298]. Для отражения агрессии, по утверждению Я.П. Бутырина, должны быть «использованы и казачьи полки». В стенограмме данное заявление сопровождается пометкой: «Казачи шумно аплодируют». Представитель же кабардинцев подтвердил, что при отражении внешней агрессии «в горах русские найдут самых стойких бойцов» [1, с. 298]. Во время проведения «Третьего областного съезда народов Терека» в г. Грозном стало известно, что уполномоченные от «горского правительства» в Стамбуле (Константинополе) «объявили независимость Северного Кавказа» [4, с. 96–97]. Поддержки же в массах и данное

проявление сепаратизма не получило. Соответственно не было у «горского правительства» и реальной власти [4, с. 100–101].

Выражая преобладавший настрой в среде мусульманского населения Северного Кавказа, делегаты «Третьего областного съезда» приняли резолюцию, в которой утверждалось, что «народы Терского края никогда, никого и никуда» для провозглашения независимости «не делегировали». Сделали это, как подчеркивалось в тексте, лишь «отдельные лица», руководствовавшиеся «ничем иным, как самозванством и авантюрой» [4, с. 97]. От делегатов «Третьего областного съезда народов Терека» также последовало предостерегающее заявление: «пусть знают все, которые носятся с бредовыми планами отделения Северного Кавказа от России, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики» [4, с. 97]. Выраженный протест указывает на усиление к тому времени тяготения к восстановлению единства и отсутствие в тех условиях перспектив для реализации сепаратистских замыслов.

Наступил своего рода перелом, вызванный ожиданием утверждения российской государственной власти, основанной на идеале справедливости. Соотносилась она тогда с советским проектом. При приближении германских и турецких войск к Северному Кавказу также проявилась массовая невосприимчивость в среде мусульманского населения к воздействиям, направленным на разобщение российского согражданства по религиозному признаку. На III съезде в ряде выступлений прослеживалось осознание разрушительных последствий революции. У всех присутствующих делегатов на заседании 27 мая 1918 г. одобрение встретило предложение «отбросить навсегда... травлю офицеров... которая ничего, кроме страшного, для страны не дала» [1, с. 304]. Под воздействием начавшейся интервенции появлялось понимание того, к чему привела пропаганда в армии, способствовавшая ее разложению. Наступление же «германцев и турок» в Закавказье опиралось на «единую руку Вильгельма» [1, с. 304].

Такое различие выделялось, в частности, в выступлении представителя от фракции меньшевиков. Ответственность в нем так или иначе возлагалась на РКП(б), проводившей в армейских формированиях «сеяние злобы» по отношению к русским офицерам [1, с. 304]. В прениях по докладу комиссара Я.П. Бутырина по поводу организации армии в качестве главной опасности признавалось то, что история «не знает таких случаев», когда вооруженные силы создаются «во время войны». Формирования же Красной армии на том этапе оказались слабыми и не смогли, по оценкам обладавших соответствующим опытом, спасти «от вторжения врага» [1, с. 302]. В этой связи от казачье-крестьянской фракции последовало предложение восстановить прежние подразделения, распущенные вследствие проведенной большевистским правительством демобилизации.

Укомплектовать их предлагалось теми, кто освоил ратное дело на фронтах в период участия России в Первой мировой войне. Указывалось

на возможность создания формирований из «казачьих полков... и местных солдат, сражавшихся доблестно и на полях Турции, и на полях Галиции». Выказывалась также уверенность, что «в обороне... края заинтересованы и горцы, которые... пойдут защищать... родину» [1, с. 302]. Посланцы от русского населения на «Третий областной съезд народов Терека» знали, что в момент возникшей для нее внешней опасности «и чеченцы, и ингуши, и кабардинцы выставят несколько своих национальных полков» [1, с. 302]. От их делегатов тут же последовало заверение. В одном из выступлений от чечено-ингушской фракции внимание присутствующих вместе с тем было обращено на следующее: «На территории Терской области не так давно была междоусобная война, но инстинктивное сознание общности интересов трудящихся масс сделало то, что народности выдвинули Народный Совет, который сумел примирить народы» [1, с. 305].

Определялось же это прежде всего сложившимися общегражданскими связями, состоянием исторической кодификации. Показателем ее особенностей как раз и явилось «инстинктивное сознание общности» народов края с Россией как общим отечеством. Заявление об этом на III съезде было сделано «на ингушском языке», перевод с которого на русский обеспечил делегат-чеченец «тов. Шерипов» [1, с. 305]. С возникновением опасности интервенции последовали в очередной раз заверения о нерасторжимости государственных связей с Россией. В них отражались преобладавшие массовые настроения. Выражалась также готовность встать на защиту отечества.

Наличие таких массовых настроений отобразил в своей речи 27 мая 1918 г., например, представитель кабардино-балкарской фракции Б.Э. Калмыков. В связи с начавшейся интервенцией в Закавказье он сказал следующее: «С оружием в руках стойко будем защищать нашу родину и свободу» [1, с. 311]. Резолюция «Третьего съезда трудовых народов Терека», принятая на заседании 28 мая 1918 г., по поводу приближения германских и турецких войск к границам Северного Кавказа содержала поддержанную всеми присутствующими констатацию: «Пламенно приветствуя стойких борцов за честь и славу свободной России, свободные рабочие, крестьяне, казаки и горцы терской земли под общим знаменем спасения родины встанут единым несокрушимым оплотом великой Российской советской республики» [5, с. 141].

В тексте также в резкой форме заявлено о «негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики» [1, с. 321]. Заключительное постановление III съезда по докладу военного комиссара Я.П. Бутырина содержала и такую отражавшую массовые настроения формулировку: «Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кавказа, стоя на платформе признания рабоче-крестьянской власти, заявляет о своей нерасторжимости с Российской Федеративной Советской Республикой» [1, с. 321]. Внешняя угроза, таким образом, даже в условиях гражданской войны приводила к сплочению

населения края на основе осознания принадлежности к общему отечеству. Причины присоединения закавказских мусульман к туркам выступавшие на III съезде усматривали в «неорганизованности русской демократии» [1, с. 301].

Однако в межэтническое противостояние в южных ареалах вовлеченной оказалась также лишь часть исповедовавшего ислам населения. Использование турецким командованием религиозных лозунгов и на этот раз не возымело влияния на массы верующих, на которое оно рассчитывало. Мусульмане Южного Кавказа сохраняли, несмотря ни на что, приверженность и российскому выбору. В северных ареалах края данная реальность, как можно судить по изложенным фактам, являлась преобладающей над иными процессуальными состояниями, так и не обретшими устойчивости. Связанные с ними альтернативы не опирались на массовую поддержку, либо, получая ее на непродолжительное время, быстро ее утрачивали. Сепаратистское отчуждение наблюдалось чаще всего как раз вследствие межэтнических конфликтов, превратившихся в одну из дестабилизирующих составляющих в период гражданской войны. Столкновения получали лишь иной уровень организованности.

В динамике их развития появлялись признаки этнической консолидации и националистической вандеи. Но на заседании 28 мая 1918 г. С.Г. Буачидзе во внеочередном заявлении указал на позитивные перемены, происходившие после создания советских органов управления в Терской области, сразу же возлагавших на себя государственные функции. В нем, в частности, отмечалось: «Глухие места, куда из-за грабежей не могли проникнуть не только представители власти, но и местные отряды, комиссару внутренних дел удалось путем посылки отрядов красноармейцев успокоить». В качестве таких очагов сохранявшейся нестабильности С.Г. Буачидзе назвал «места... в Ингушетии и Осетии» [1, с. 319]. Каждое из межэтнических столкновений имело свою специфику. Различались и предопределявшие их обстоятельства. Воздействие на обострение отношений оказывали религиозный, земельный и иные факторы, в том числе не устраненные на предшествующем этапе проблемы.

Обоюдные же потери в ходе межэтнических конфликтов порождали на какое-то время недоверие и обиды. Вспышки ненависти тем не менее в большинстве случаев оказывались преодолимыми. Так произошло и в июне 1918 г., когда вследствие провокации ингуши горного аула Бордабос предприняли вооруженное нападение на казачью станицу Тарскую. При осуществлении ответных действий казаки сожгли аул [6, с. 115]. Возник еще один очаг напряженности, способствовавший обострению ситуации. При политической неопределенности в условиях разраставшейся гражданской войны какая-то часть горского населения под влиянием связанных с конфликтами событий оказалась восприимчивой к призывам сепаратистов, так и не получившим тем не менее достаточной для утверждения поддержки. Преобладающим между тем являлось осознание того, что обойтись «нельзя

без России». О «горячей любви» к ней представители горцев заявляли не раз в моменты возникновения внешней опасности.

Делались такие заявления и на многочисленных съездах, проходивших в условиях гражданской войны. В них по-прежнему отражалось желание оставаться в составе России. На основе существовавших настроений к сохранению единого отечества происходило и принятие советской власти как преемницы той, которая существовала до революции, но подкрепленной обещанием утвердить социальную справедливость. В обзоре событий на Северном Кавказе с 1 по 21 сентября 1918 г., представленном в Народный комиссариат по делам национальностей, сообщалось: «Объявили себя сторонниками Советской России ингуши на своем народном съезде. Чеченский и кабардинский народы сочувственно относятся к трудящимся России» [7, л. 82].

По содержанию заметно, что передававшимся сведениям информаторы сообщали классовый оттенок. Однако выбор предопределялся прежде всего общегражданскими связями. С негодованием воспринимались большинством мусульман Северного Кавказа и распространявшиеся слухи о желании отделиться. Отражение это получало, в частности, в телеграммах, отправлявшихся со съездов в Москву «Ленину, Чичерину...» и другим советским руководителям [8, л. 64]. Так, в одной из них от 15 сентября 1918 г. сообщалось: «Ингушский народный съезд, созванный национальным Советом в Назрани... возмущенный заметкой, помещенной в тифлисской правительственной газете «Борьба» от 12 сентября под заголовком «Кавказские горцы», заявляет, что ингушский народ является решительным сторонником Советской власти, давшей ингушскому народу землю и свободу» [9, с. 62].

Посланию, как и многим другим, придавался и международный аспект. Копии его направлялись также в «Берлин, Париж, Лондон, Константинополь, Тифлис!» с припиской «Всем! Всем!» В обращении подчеркивалось: «Ингушский народ заявляет всему миру, что ингуши являются нераздельной частью Российской Федеративной Советской Социалистической республики и решительно никого не уполномочивают вести переговоры с германским командованием с целью привлечения германских полков в Терскую область. Ингушский народ заявляет, что все поползновения иностранных войск переступить границы Терской области ингушский народ сочтет как посягательство на его право и будет бороться всеми силами против такого нарушения прав народов, населяющих Российскую Федеративную Советскую Социалистическую республику» [9, с. 62]. Настроенность на сохранение общности с ней проявлялась на протяжении всего периода существования угрозы интервенции.

Продвижение же войск в 1918 г. к пределам мусульманских областей Северного Кавказа турецкая агентура старалась представить как «освободительную миссию единой державы» и придать ему окраску священной войны против неверных. Однако населением края это не было воспринято. Несмотря на то, что сил остановить вторжение у России тогда не было, большинство горцев, вместо поддержки провозглашавшейся «священной войны» («газавата»),

заявило, что будут защищать с оружием в руках ее границы. В оперативном донесении от 19 октября 1918 г., посланном в г. Царицын К.Е. Ворошилову, по этому поводу сообщалось: «Турецкий режим вызвал восстание азербайджанцев в Закавказье... Чеченцы твердо решили не пропускать... турок и всю живую силу отдали Советской власти» [10, л. 36].

В телеграмме, отправленной в Москву 31 октября 1918 г., о принявших участие в гражданской войне на Кавказе группировках сообщалось следующее: «По словам перебежчиков из Порт-Петровска Дагестанской области на побережье Каспийского моря действует партизанский отряд Бичерахова. Состав: армяне, черкесы, грузины, лезгины, кабардинцы, осетины и казаки» [11, л. 109]. Объединение в вооруженное формирование, как видно, произошло отнюдь не по этническому признаку. Да и сам Л. Бичерахов, бывший войсковой старшина (подполковник) русской армии, являлся представителем, как терского казачества, так и осетинского народа [13, с. 22]. Став только в период гражданской войны полковником [13, с. 22–23] и через непродолжительное время генералом, он душой болел прежде всего за отечество и чужд был, как и многие другие офицеры, каких-либо политических предпочтений.

О другом вооруженном формировании в телеграмме приводились такие сведения: «В Дагестанской области провозглашен диктатором князь Тарковский, около которого собирается отряд из мусульман, юнкеров и всех офицеров Кавказа» [11, л. 110–111]. Данное подразделение, следует заметить, создавалось также на общегражданской основе. Вхождение в него не только мусульман, но и «юнкеров и всех офицеров Кавказа», свидетельствует о наличии и в этом случае цели спасти Россию. Объединение в вооруженные формирования по таким же критериям в период гражданской войны происходило и в Терской области. Оно являлось показателем того, что межэтническая вандея претерпевала распад, так и не сложившись в устойчивое явление. Как разновидность гражданской войны она проявлялась в стихийных межэтнических конфликтах, не переросших тем не менее во всеобщее разъединяющее противостояние.

Но вандейский способ разрешения существовавших межэтнических противоречий при большевистском режиме получил государственную поддержку. Это коснулось в период гражданской войны прежде всего терского казачества. Пропагандой по указанию руководства РКП(б) оно все объявляется контрреволюционным, хотя и в его среде были сторонники советской власти. Против терского казачества под влиянием использовавшихся обвинений в «контрреволюции» сплачивается все остальное население области. В телеграмме от 31 октября 1918 г. приводилась уже информация «о боях» с ними, которые вели представители различных народов Северного Кавказа. В тексте отображалось также то, что «в рядах обороняющих Грозный много ингушей, чеченцев, кабардинцев и осетин, сражающихся за Советскую власть» [11, л. 110–111].

Среди них находились и русские. Но такое объединение основывалось не на принципе внешней классовой солидарности, получившей наименование «интернациональной». Так происходившее в Терской области преподносилось идеологами РКП(б) по ходу событий. Заимствовано это впоследствии было без проверки на объективность и в советской историографии. Однако и данное противостояние происходило под влиянием общегражданской связанности населения, сложившейся в предшествующий период. Подтверждалось это и другими событиями. В конце 1918 г. «чеченцы и другие горцы» принимали участие в боевых действиях с вооруженными формированиями белых. В операциях они участвовали совместно с партизанским отрядом Н.Ф. Гикало [13, с. 76–77], состоявшим преимущественно из русских.

Немалая часть горцев в период гражданской войны поддерживала белое движение и связанную с ним идею сохранения «единой и неделимой России». Информация об этом поступала в различные правительственные инстанции, чаще всего с пометкой «Москва. Кремль. Ленину». Копии, а нередко и оригиналы, направлялись также по введенной практике управления государством в Народный комиссариат по делам национальностей возглавлявшийся И.В. Сталиным. По поступившему туда донесению Е. Эшба от 9 апреля 1919 г. сообщалось, например, о том, что «в одной из перехваченных сводок Деникина говорится о доблести и героизме черкесских полков, сражающихся против большевиков» [14, л. 44]. Другая часть, как можно заметить из предшествующего анализа, напротив, их поддерживала и оказывала активное содействие. В этом заметен типичный для гражданских войн раскол на противоборствующие группировки.

Происходил же он отнюдь не по признакам этнической принадлежности, а по политическим предпочтениям, создававшимся нередко под воздействием агитации противоборствующих сил. В том же донесении Е. Эшба проинформировал Народный комиссариат по делам национальностей и о таком наблюдении: «На предложение англичан, духовенства и представителей высших сословий дать согласие на формирование войсковых частей для борьбы с большевиками Дагестан ответил серией вооруженных восстаний» [14, л. 44-об]. В описании ситуации просматривается, на мой взгляд, доля преувеличения.

Уже в период гражданской войны у членов РКП(б) проявилась склонность восстания и протестные движения оценивать с классовых позиций и даже ряд из них ставить себе в заслугу. Между тем отклонение предложения англичан вызывалось другим воздействием. И в этом случае срабатывал фактор российского притяжения. 30 декабря 1918 г. с пометкой «Кремль. Ленину» поступает телеграмма от начальника штаба Кавказского фронта Николича, в которой в обзоре обстановки в Дагестане выделяется следующее: «Недавно в Шуре состоялся областной съезд, посвященный вопросу предстоящей мобилизации для борьбы с большевиками. Съезд отказался дать солдат. Население симпатизирует Советской власти и ждет с нетерпением прихода наших войск» [15, л. 70–71].

Во время наступательных операций вооруженных сил Юга России, возглавлявшихся А.И. Деникиным, «значительное число красноармейцев» нашло укрытие в чеченских аулах [16]. Донесения об этом поступали неоднократно в 1919 г. от офицеров, руководивших боевыми операциями. В одном из них также подтверждалось, что «большевики успешно пополняли свои силы в нагорных чеченских аулах и именно там находили укрытие при преследовании» [17, л. 9]. С таким же содержанием заметка была размещена и в газете «Жизнь национальностей» от 1 июня 1919 г. [16], куда направлялись сведения от находившихся на Северном Кавказе членов РКП(б). Для защиты «русских большевиков» местные жители создавали «красные отряды». Использовались они и в совместной борьбе «против Деникина» [18].

По отношению к «белым», как подтверждалось различными наблюдениями в период гражданской войны, чеченцы были настроены «очень враждебно» [19], так как ими предпринимались попытки восстановить прежний существовавший в государстве порядок и законность. Соответственно исключалась возможность перераспределения земли за счет терского казачества. Тем не менее сторонники и противники Добровольческой армии А.И. Деникина были и в среде вайнахских общностей. По ходу гражданской войны у них проявлялась такая же дифференциация, как и у других народов Северного Кавказа, в том числе, и у русских. Затрагивала она и казачество. Это указывает на наличие как общероссийской, так и региональной солидарности, проявлявшейся независимо от этнической принадлежности.

Общероссийская и региональная солидарность на Северном Кавказе, как и во всех гражданских войнах, основывалась на политических предпочтениях, определявшихся в какой-то степени и социальным положением. В происходившем выборе немаловажную роль играло и идеологическое воздействие. Дифференциация на различные по политическим предпочтениям группировки, обретавшие под воздействием пропаганды готовность выступить друг против друга в вооруженной борьбе, в иноэтнической среде на Северном Кавказе была такой же, как и по всей России.

Так, 9 сентября 1919 г. советскому руководству в Москву поступила информация об инциденте в Назрани. Часть ингушей откликнулась на предложение командования Добровольческой армии «выставить четыре полка». Сторонники белого движения «стали грузиться в Назрани с целью отправки». Между тем в известность об этом не был поставлен «Национальный совет». Мобилизация в вооруженные силы Юга России происходила без его уведомления. А.И. Деникин и его окружение такие органы власти игнорировали. Однако они в тот период опирались уже и на созданные вооруженные формирования. К месту сбора сторонников белого движения был направлен «ингушский Шариатский полк», который «силой заставил разгрузиться» [20, л. 394].

При отступлении вооруженных сил Юга России, отстававшие военнослужащие из-за враждебного отношения местного населения даже «не пытались спастись в горах». А.И. Деникин смог опереться лишь на незначительную

часть ингушей и чеченцев. Поддерживали его и другие горцы. Разделение происходило не по признакам этнической и конфессиональной принадлежности, а по общегражданской. Красную армию население чеченских аулов принимало «чрезвычайно радушно, делясь... не только хлебом и солью, но и всем, что... имелось» [21].

Подтвержденность имеет и существующая в отечественной исторической науке точка зрения о смешанном составе группировок, совершавших набеги. Служба участников создававшихся отрядов в русской, а затем и Красной армиях указывает на то, что в их среде, наряду с уголовным элементом, существовали прослойки, которые способны были воспринимать конструктивные воздействия и становиться на путь исправления. Северокавказские разбойные группировки так же, как когда-то и российское казачество, имели предрасположенность к эволюционным преобразованиям. Из среды «бывших чеченцев-абреков» происходило пополнение в период гражданской войны, например, «красных партизанских отрядов». Они также изъявляли желание участвовать «в борьбе за освобождение Терской области» [22, с. 29]. Такой «партизанский отряд из бывших чеченцев-абреков» был отправлен 25 января 1920 г. из слободы Воздвиженской в распоряжение командира «красного Кавказского корпуса» [22, с. 29].

В сообщении о положении на Северном Кавказе от 11 июля 1920 г., опубликованном газетой «Жизнь национальностей», отмечалось: «Среди чеченцев Советская власть весьма популярна» [23]. Информация имела подтвержденность. При отступлении части XI Красной армии в чеченских аулах получали укрытие [24, л. 8]. «Сочувствие и поддержку» большевики находили и в горных селениях Дагестана. В то же время Добровольческой армии А.И. Деникина там было оказано, согласно сводке за 7 августа 1920 г., «наиболее ожесточенное сопротивление» [25]. Другая же часть горцев сражалась в составе вооруженных сил Юга России и разделяла идеалы «белого движения», в том числе, воспринимала предлагавшийся вариант сохранения целостности страны.

Сведения о том, что «представители горцев находились... в рядах Добровольческой армии», поступали и в Народный комиссариат по делам национальностей. Публикации об этом появлялись также в его печатном органе [26]. Но в тылу Добровольческой армии действовали партизанские отряды горцев, поддерживавшие большевиков. Как только предоставилась возможность, они, по поступавшим сообщениям с мест, «во главе со стариками и своими муллами, все вооруженные, сами пришли в ЦИК Северо-Кавказской республики и отдали себя в распоряжение Советской власти» [27, л. 55]. Из-за привлекательности дававшихся обещаний прикрывавшийся ею большевистский проект преобразований получил поддержку большинства населения Северного Кавказа.

Его реализация в действительности сопровождалась нарушением критерия исторической справедливости в отношении терского казачества, что привело к его депортации на заключительном этапе гражданской войны.

Зачистка территории получила при большевистском режиме государственную поддержку. Незадолго до выселения представители терского казачества в письмах в Москву, адресованных В.И. Ленину, изъявляли в очередной раз готовность вернуть горцам 10 % занимаемой территории, которая когда-то им была передана при завершении Кавказской войны в целях предотвращения в дальнейшем конфликтов между самими горцами. Признание терского казачества «контрреволюционным» предопределило отношение к нему центрального советского руководства. По ходу гражданской войны между тем и какая-то его часть в соответствии с общими процессами в стране склонялась принять советскую власть.

В кризисных условиях продолжал действовать вместе с тем фактор российского патриотизма, являвшийся проявлением любви к общей родине. Это находило выражение даже в самые острые периоды противостояния, особенно когда оно сопровождалось внешней агрессией. Как только в 1920 г. известия, например, о вторжении польских войск в пределы России дошли до Дагестанской области, по этому поводу в знак протеста созывались аульные сходы и более представительные конференции. Присутствовавшие на них односельчане и делегированные в окружные центры посланцы выражали в резкой форме возмущение [23]. В адрес тех, кто осуществил интервенцию, высказывались грозные предостережения. Изъявлялась также готовность встать на защиту отечества.

Историческая кодификация самосознания в тех условиях претерпевала лишь незначительные изменения. Даже провозглашавшиеся имамы в контексте событий гражданской войны нередко превращались в советских вождей [28, с. 76], что является показателем направленности трансформации в среде мусульманского населения Северного Кавказа имевшей сходство с происходившими процессами в других российских регионах. Межэтническая вандея из-за общегражданского вектора притяжения, как видно из изложенного выше, в конце концов утратила обретение этнической монолитности, претерпев распад в соответствии с общими для страны политическими и социальными процессами.

Намечавшаяся консолидация с соответствующей направленностью прекратилась. Преобладающими в националистической вандее в зарубежных странах выступали, как правило, предпочтения к окончательному обособлению. Разновидность же ее на Северном Кавказе определяли в значительной мере сложившиеся ранее вследствие проводившейся политики объединяющие государственные начала. При всей сложности возникавших ситуаций возобладала именно российская интеграционная составляющая. Межэтническая вандея трансформировалась в разновидность гражданской войны. На Северном Кавказе в соответствии с происходившими в стране процессами противостояние также восприняло признаки системности. Характер же событий определяла тенденция, имевшая российское измерение.

В записке, составленной в начале 30-х гг. XX в. для польской разведки Б. Байтуганом, который непосредственно наблюдал события революции

и гражданской войны на Северном Кавказе, враждебность горцев к русскому населению преувеличена. Как представитель последователей сепаратизма он сообщал о «всеобщей» органической ненависти «масс ко всему, что русское» [28, с. 25]. Однако ничего подобного, как можно видеть, в действительности не наблюдалось. Формирование такой разновидности гражданской войны как межэтническая вандея в пределах северных и южных ареалов края наталкивалось и в условиях политической неопределенности на сохранявшееся общегражданское притяжение российского государственного поля. Сплачивающая массы для осуществления сепаратистских замыслов идеологическая составляющая из-за этого так и не сложилась.

Информацию об отсутствии цельной сепаратистской доктрины отобразил в записке и Б. Байтуган. Сформулировать платформу необходимости обособления от России оказалось невозможно и на основе ислама. Этому противостояла немалая часть мусульманского духовенства, отражавшая, в том числе, настроения верующих. Показательным в этом отношении является и обращение его представителей к исповедовавшему ислам населению Северного Кавказа. Датировка его фиксируется предположительно на периоде не позднее 1920 г. [29, с. 358]. В нем давались верующим, в частности, такие разъяснения: «Основываясь на священном Коране и на точном мусульманском толковании религиозных законов, указанных в Шариате, объявляется открыто, что учение большевиков с их идеей о коммунизме и интернационализме противно Шариату, и сами большевики, как враги всякой религии, особенно вредны для мусульманства» [29, с. 358].

В качестве наиболее неприемлемых положений в их программе выделялось отрицание частной собственности и брака. Несоответствие религиозным нормам представители мусульманского духовенства Северного Кавказа видели также в «интернационализме». По сложившемуся у них впечатлению коммунистическая идея основывалась на «отсутствии семьи, фамилии, рода, племени и нации». Верующим напоминалось, что по положениям Корана необходимо признавать не только «Бога, Его посланников, Пророков», но и «начальство над собой (...т. е. власть)... порядок и Государственный строй» [29, с. 358]. В связи с этим давалось наставление поддерживать верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и главнокомандующего вооруженными силами на европейском юге страны генерала А.И. Деникина. В заслугу им представители мусульманского духовенства Северного Кавказа ставили патриотизм, любовь к отечеству и стремление «установить Государственный строй» [29, с. 358–359].

Именно этим они объясняли необходимость «на основании Шариата... молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины» [29, с. 359]. Сохранение ее целостности в прежних границах воспринималось, как можно судить по обращению, в качестве непререкаемого политического выбора. Поддержку у части мусульманского населения Северного Кавказа в условиях гражданской войны он

также получал отнюдь не по этнической принадлежности. Различалась лишь, как и в других местностях страны, ее распространенность в зависимости от конкретных ситуаций.

Отсутствие раскола по этническому и религиозному признакам подтверждается и такой содержавшейся в обращении мусульманского духовенства констатацией: «Мы, сыны гор Северного Кавказа, приняли участие в дружной работе над восстановлением Великой России, выставив войсковые части против не признающих Бога и человеческих законов большевиков, и сыны наши зарекомендовали себя с лучшей стороны» [29, с. 359]. Вместе с тем осуждались те, кто оставлял «фронт и свои войсковые части без разрешения начальства». Поступки «дезертиров» представителями мусульманского духовенства Северного Кавказа объявлялись противоречащими не только необходимости исполнения долга перед родиной, но и противоречащими самой религии [29, с. 359]. Авторы обращения разъясняли верующим, что уклонение от службы в белых армиях приносит «расстройство... в деле, долженствующем внести Государственный строй и жизненный порядок всем народностям России» [29, с. 359].

Аульным обществам, равно как и другим населенным пунктам, где проживали горцы, вменялось в обязанность «сдать немедленно... дезертиров начальству для отправления... в свои части» [29, с. 359]. Обращение позволяет заметить, что в среде представителей мусульманского духовенства Северного Кавказа движение, отстаивавшее идею «единой и неделимой России», имело поддержку. С командованием белых армий оно, как можно судить по содержанию, действовало согласованно. Борьба с большевистским режимом мотивировалась и необходимостью восстановления «попранных законов». В обращении утверждалось, что «труды Добровольческой армии... никогда не изгладятся из памяти благодарного потомства». Участие горцев в белом движении представителями мусульманского духовенства рассматривалось также с позиций выполнения долга перед общей родиной [29, с. 359].

Для «спасения... отечества» по ходу гражданской войны задействовались ими и ретроспективный ресурс. Представители мусульманского духовенства Северного Кавказа отмечали в этой связи позитивные результаты происходивших ранее перемен, являвшихся следствием проводившейся в имперский период политики. В их обращении, к слову, содержалось такое напоминание: «Дети наши, наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений, как и военные, так и гражданские были открыты. Россия для нас не мачеха, а любящая мать и... мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела... до сих пор» [29, с. 359].

В отличие от Б. Байтугана представители мусульманского духовенства Северного Кавказа отразили иной срез реальности, существовавшей в период гражданской войны. При всей противоречивости обстановки в крае, противостояние развивалось отнюдь не по сценариям националистической вандеи.

Складывание фронтов происходило на основе политического выбора, а не вследствие этнических мобилизаций. Попытки отделения от России, даже по признанию Б. Байтугана, наталкивались на «недоверие масс» [28, с. 18, 24]. По его же подтверждению, «идея... независимости» не находила в их среде поддержки [28, с. 20].

Проведенный анализ позволяет выделить вместе с тем следующее. Российская идентичность мусульманского населения Северного Кавказа оказалась устойчивой и в условиях гражданской войны. Сепаратистская альтернатива не воспринималась в его среде, как правило, в качестве приемлемой. На какую-либо конструктивную программу, отражавшую состояние исторической кодификации, она не опиралась. Объединяющую роль по-прежнему играла Россия как отечество для всех входивших в ее состав народов¹. На Северном Кавказе, как и на других окраинах империи, «национально-освободительных движений» не наблюдалось и сепаратизм, при отсутствии широкой поддержки, обретал экстремистские вариации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Съезды народов Терека: 1918 г. : сборник документов и материалов : в 2 т. Т. I / Сост. Х. Х. Бекузаров [и др.] ; НИИ истории, экономики, яз. и лит. при Совете министров Сев.-Осет. АССР. – Орджоникидзе : Ир, 1977. – 279 с. – Текст : непосредственный.
2. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. Т. 12 : Исландия–Канцеляризм. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. – 366 с. – Текст : непосредственный.
3. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : энциклопедия : в 3 т. Т. 2 : К–П / отв. ред. А. К. Сорокин. – М. : РОССПЭН, 2014. – 903 с. – Текст : непосредственный.
4. Тотоев, М. С. Борьба трудящихся Северной Осетии за Советскую власть в 1917–1920 гг. / М. С. Тотоев. – Текст : непосредственный // Известия СО НИИ. – Т. XVIII. – Орджоникидзе : СОНИИ, 1956. – С. 93–126.
5. Разгон, И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе 1917–1920 гг. / И. Разгон. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1941. – 335 с. – Текст : непосредственный.
6. Никонов, И. Н. Ной Буачидзе / И. Н. Никонов, В. С. Гальцев. – Орджоникидзе : Книгоиздат, 1957. – 124 с. – Текст : непосредственный.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130 Оп. 2. Д. 580. – Текст : непосредственный.
9. Ленин и Чечено-Ингушетия : сборник документов и материалов / науч. ред. К. И. Ефанов. – Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. – 320 с. – Текст : непосредственный.
10. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 8. Д. 12. – Текст : непосредственный.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 3. Д. 294. – Текст : непосредственный

¹ Исследованная автором ситуация подпадает под характеристики феномена «российскости», сформулированного научно-педагогической Кавказоведческой Школой В.Б. Виноградова, работающей при АГПУ (Ред.).

12. Безугольный, А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Известные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919 / А. Ю. Безугольный. – М. : Центрполиграф, 2011. – 348 с. – Текст : непосредственный.
13. Алиев, У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (Итоги и перспективы) / У. Алиев. – Ростов н/Д. : Севкавказ и Крайнациздат, 1926. – 128 с. – Текст : непосредственный.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 42. – Текст : непосредственный.
15. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 3. Д. 305. – Текст : непосредственный.
16. Жизнь национальностей. – 1919. – 1 июня. – Текст : непосредственный.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 13. – Текст : непосредственный.
18. Жизнь национальностей. – 1922. – 19 мая. – Текст : непосредственный.
19. Жизнь национальностей. – 1920. – 23 мая. – Текст : непосредственный.
20. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 2. Д. 174. – Текст : непосредственный.
21. Жизнь национальностей. – 1920. – 23 мая ; 29 июня. – Текст : непосредственный.
22. Разгон, И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. / И. Разгон. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1942. – 39 с. – Текст : непосредственный.
23. Жизнь национальностей. – 1920. – 11 июля. – Текст : непосредственный.
24. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 1849-П. Оп. 2. Д. 35. – Текст : непосредственный.
25. Горская беднота. – 1920. – 19 августа. – Текст : непосредственный.
26. Жизнь национальностей. – 1920. – 29 февраля. – Текст : непосредственный.
27. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 2. Д. 432. Л. 55. – Текст : непосредственный.
28. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 8–26.
29. Обращение представителей духовенства к мусульманам Северного Кавказа. Не позднее 1920 года. Документ № 213. – Текст : непосредственный // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.) : документы и материалы. – Махачкала : Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1994. – 440 с.

REFERENCES

1. Siedzdy narodov Tereka: 1918 g. [Congresses of the peoples of the Terek: 1918]. Sbornik dokumentov i materialov. V 2 t. = Collection of documents and materials. In 2 volumes. Scientific Research Institute of History, Economics, Language and Literature. Ordzhonikidze: Ir, 1977, vol. 1, 279 p.
2. Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya: V 30 t. [The Great Russian Encyclopedia: 30 volumes]. Moscow: Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2008, vol. 12, 366 p.
3. Rossiya v Pervoi mirovoi voine. 1914–1918 [Russia in the First World War 1914–1918]. Encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 2014, vol. 3, 903 p.

4. Totoev M.S. The struggle of the working people of North Ossetia for Soviet power in 1917–1920. *Izvestiya. Ordzhonikidze: SONII*, 1956, vol. XVIII, pp. 93-126.
5. Razgon I. Ordzhonikidze i Kirov i borba za vlast Sovetov na Severnom Kavkaze 1917–1920 gg. [Ordzhonikidze and Kirov in the struggle for power of the Soviets in the North Caucasus 1917–1920]. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat, 1941. 335 p.
6. Nikonov I.N., Galtsev V.S. Noi Buachidze [Noah Buachidze]. Ordzhonikidze: Knigoizdat, 1957. 124 p.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 1318, inventory 1, case 619.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 130, inventory 2, case 580.
9. Lenin i Checheno-Ingushetiya. Sbornik dokumentov i materialov [Lenin and Chechen-Ingushetia. Collection of documents and materials]. Groznyi: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1982. 320 p.
10. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 8, case 12.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 3, case 294.
12. Bezugolnyi A.Yu. General Bicherakhov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranitsy istorii Grazhdanskoi voyny i interventsii na Kavkaze. 1917–1919 [General Bicherahov and his Caucasian army. Unknown pages of the history of the Civil War and intervention in the Caucasus. 1917–1919]. Moscow: CJSC Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 2011, 348 p.
13. Aliev U. Natsionalnyi vopros i natsionalnaya kultura v Severo-Kavkazskom krae. (Itogi i perspektivy) [The national question and national culture in the North Caucasus region. (Results and prospects)]. Rostov-on-Don: Sevkavkniga i Krainatsizdat, 1926. 128 p.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 1318, inventory 1, case 42.
15. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 3, case 305.
16. Zhizn natsionalnostei [The life of nationalities]. 1919, 1 June.
17. Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Fund R-594, inventory, 1, case 13.
18. Zhizn natsionalnostei [The life of nationalities]. 1922, 19 May.
19. Zhizn natsionalnostei [The life of nationalities]. 1920, 23 May.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 2, case 174.
21. Zhizn natsionalnostei [The life of nationalities]. 1920, 23 May, 29 June.
22. Razgon I. Borba partizan protiv belogvardeitsev na Severnom Kavkaze v 1919–1920 gg. [The fight of partisans against the White Guards in the North Caucasus in 1919–1920]. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat, 1942. 39 p.
23. Zhizn natsionalnostei [The life of nationalities]. 1920, 11 July.
24. Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [The Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 1849-P, inventory 2, case 35.
25. Gorskaya bednota [The mountain poor]. 1920, 19 August.
26. Zhizn natsionalnostei [The life of nationalities]. 1920, 29 February.

27. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 130, inventory 2, case 432, l. 55.

28. “Crystallization” of the mountain liberation movement. Reflections of B. Baytugan on the history of Muslims of the North Caucasus and Dagestan. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2001, No. 5, pp. 8–26. (In Russian).

29. Obrashchenie predstavitelei dukhovenstva k musulmanam Severnogo Kavkaza. Ne pozdnee 1920 goda. Dokument № 213. [Appeal of representatives of the clergy to Muslims of the North Caucasus. Not later than 1920. Document No. 213]. *Soyuz obedinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.). Gorskaya respublika (1918–1920 gg.): Dokumenty i materialy = Union of the United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918). The Gorskaya Republic (1918–1920): Documents and materials*. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography. Makhachkala: The Institute of History, archeology and ethnography DNTs RAN, 1994. 440 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Гражданская война в России 1917–1920 гг.: северокавказское преломление / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 48–64.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. The Civil War in Russia (1917–1920): North Caucasian Deflection / V. A. Matveev // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2020, No. 3, pp. 48–64. (In Russian).